

Эсхатологические мотивы в творчестве Ч.Т. Айтматова

Научный руководитель – Вевюрко Илья Сергеевич

Филькина Мария Алексеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии религии и религиоведения, Москва, Россия

E-mail: masha.filkina.1@mail.ru

Чингиз Торекулович Айтматов (1928-2008) - знаменитый советский писатель киргизского происхождения, один из немногих, кто обращался в своих произведениях к религиозной символике в те непростые, атеистические времена. Художественная литература подобного рода представляет собой значительный пласт знаний о религии, дает возможность углубить и расширить сведения о ней, уточнить существующие представления. Автор стремится на примере общечеловеческой этики показать решение нравственных проблем современности. В этом контексте писатель неоднократно использует разнообразные эсхатологические мотивы и затрагивает тему апокалиптичности сознания отдельных персонажей.

Эсхатологию в рамках художественного пространства Айтматова следует рассматривать преимущественно не с точки зрения церковного богословского значения, а в качестве термина из области философии религии: как учение о конечных судьбах человеческой личности и всего сущего в вечности [7]. В произведениях Айтматова можно усмотреть признаки мифологической, авраамической, а также оттенки рационалистской эсхатологии [5]. При этом основной акцент подразумевает разделение на индивидуальную (личную) эсхатологию, включающую представления о немедленном посмертном суде и воздаянии, а также загробной жизни отдельной человеческой души [7], и всемирную эсхатологию (общую), содержащую в себе учение о конечной цели и конце мира (космоса, истории) в целом [7]. Именно это сочетание эсхатологических традиций - совмещение индивидуальной, национальной и мировой культур - характеризует центральную идею Айтматова, его космополитизм. В большинстве своих произведений писатель раскрывает апокалиптические тревоги на примере судьбоносной линии главных героев (индивидуальной эсхатологии), при этом подразумевая философию планетарного мышления: взаимосвязь мифологических мотивов и архетипических образов (всемирную эсхатологию). Так, эсхатологическая лейтмотивность в творчестве Айтматова выступает своеобразным фактором художественного катастрофического психологизма, раскрывающим не только индивидуальное отношение человека, но и бессознательные пласты коллективной ментальности людей и животных.

С точки зрения хронологического порядка, мотив родовой вины можно выделить в первую очередь. Он связан с размышлениями автора об утрате человеком исторической или архетипической памяти и технократическом прогрессе [4]. В таком случае следует говорить об обращении советского писателя к мифологической эсхатологии, характеризующейся, в первую очередь, циклическим мировосприятием и антропоморфным взглядом на природу [5]. На этом фоне преобладающим сюжетом выступают анималистические предания - образами животных заполнено пространство большинства айтматовских произведений. Мотив родовой вины раскрывается, во-первых, на примере темы тотемного убийства (наиболее яркий - Рогатая мать-олениха в повести «Белый пароход» [1]). Так, глобальная экологическая проблема, по мнению Айтматова, в своем старинном понимании существовала в архетипическом сознании как эсхатологическая: убийство тотемного животного знаменует покушение на древнее табуирование [6], олицетворяя наивысший грех

перед предками и матерью-Землей; уже в народных представлениях содержались предсказания о родовой вине человека перед природой, о возможных возмездии и наказании. Как трагический итог - имманентный мотив жертвенного самоубийства положительных героев, единственно верных традициям. Во-вторых, мотив родовой вины затрагивает сущность такого явления, как манкуртизм. По Айтматову, манкуртом является человек-раб, утративший память о своих корнях и происхождении, разорвавший ценностно-ориентированную связь с родом [3]. Эсхатологический кризис современного общества, по мнению писателя, заключается в том, что манкуртизм становится добровольным.

Следующим в творчестве советского писателя является мотив Апокалипсиса, знаменующий собой переход Айтматова от мифологической эсхатологии к авраамической, которая опирается на тексты Священного Писания и, на сей раз, характеризует собой линейное мировосприятие [5]. Основная апокалиптическая модель художественного повествования используется Айтматовым через евангельский сюжет встречи Иисуса Христа и Понтия Пилата в романе «Плаха» [2]. Данная глава стала опорной в формулировании автором аллегорических идей на тему Страшного суда и второго пришествия Спасителя, реализуемых с точки зрения человеческого сознания, а не в мистической форме. Так, в произведении речь идет не о грядущем апокалипсисе, а изображается реальная катастрофа, возникающая в результате человеческих злодеяний. Айтматов дополняет эсхатологическую концепцию собственной типологией «Богов» и завершает данный мотив появлением на художественной арене символического образа Антихриста в лице антипода главному герою.

Наряду с вышеназванными мотивами, можно выделить отдельный, переработанный Айтматовым национальный мотив песенного плача-причитания - кошока - как всеобщего воспоминания, переосмысления и подведения итогов жизни и смерти окружающих. Кошок в интерпретации писателя представляет собой эсхатологический опыт покаяния, мольбы и потенциального искупления грехов ушедших [8].

Эсхатологические мотивы в творчестве Айтматова раскрывают сущность религиозно-философских исканий советского писателя, способствуют подтверждению его свободомыслящего, богоискательского, а не канонического взгляда на мироустройство и исторические процессы. Айтматов предельно остро ставит перед читателем вопросы философского, религиозного, национального, морального, социального и эстетического характеров, пытаясь донести до него свою тревогу за подмену жизненных ценностей, утрату веры в высокие идеалы, за судьбу человека и всего космоса. Таким образом, эсхатология в понимании Айтматова, в первую очередь, представляет собой антропологическую катастрофу и несет ярко выраженный пессимистический характер.

Источники и литература

- 1) Айтматов Ч.Т. Белый пароход: повести / Под ред. А. Жикаренцева. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.
- 2) Айтматов Ч.Т. Плаха / Предисл. Е. Суркова. М.: Мол. гвардия, 1987.
- 3) Айтматов Ч.Т. И дольше века длится день...: роман / Под ред. А. Жикаренцева. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
- 4) Айтматов Ч.Т. Все касается всех // Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: АПН, 1988.
- 5) Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014.
- 6) Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.

- 7) Энциклопедия религий. Эсхатология / Под ред. А.П. Забияко, А.Н.Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008.
- 8) Pritchard M. Legends borne by life: myth, grieving and the circulation of knowledge within Kyrgyz contexts. The Ohio State University, 2009.